

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 459 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г

ТВОРЧЕСТВО А. А. БЛОКА
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК III

Редколлегия: З. Г. Минц (ответственный редактор), Л. И. Тимофеев, Ю. М. Лотман, Д. Е. Максимов, В. И. Беззубов, В. Н. Невердинова, Л. Н. Киселева (секретарь редколлегии).

СОДЕРЖАНИЕ

I

Д. Е. Максимов. О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания)	3
М. Л. Гаспаров. Рифма Блока	34
В. С. Баевский, А. Д. Кошелев. Поэтика Блока: анаграммы	50

II

З. Г. Минц. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов	76
К. М. Азадовский. Путь Александра Добролюбова	121
С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Андрей Белый и Н. Ф. Федоров	147
С. В. Белов, С. М. Алянский о Мейерхольде и Блоке	165

без отклика, особенно среди той части русского крестьянства, которая уже была захвачена сектантскими настроениями (как, например, крестьянство Самарской губернии). Если вспомнить к тому же о проповедническом таланте Добролюбова, то станет понятным, почему он столь скоро обращал других в свою веру, обрстал последователями и даже мог переманить на свою сторону приверженцев других сект: духоборов, молокан, толстовцев.

Протест и смирение, действие и созерцание — из этих противоположностей слагается целостный духовный облик Добролюбова. Проповедь самоуглубления и молчания сочетается у него с призывами к неповиновению властям: «Бросив книги, он в поля убежал, где подстрекал, бунтовал», — вспоминал о Добролюбова А. Белый⁶³. Примечательно, что Добролюбов проповедовал свои убеждения не только среди крестьян Поволжья, но и в оставленном им «образованном» обществе, прежде всего, — в стане своих недавних единомышленников. Об этом свидетельствуют и уже упоминавшееся «Письмо в редакцию «Весов», и неоднократные обращения Добролюбова к русским и западным зачинателям «нового искусства». Им всем Добролюбов советовал отказаться от литературы и «уйти» из общества. В одном из писем к П. П. Перцову Брюсов рассказывает, что поселившийся в его доме Добролюбов (дело происходит в феврале 1905 г.) пишет Мережковским, Минскому, Льву Толстому, о. Гапону, Витте, Святополку-Мирскому и даже... Уайльду, вовсе не смущаясь тем обстоятельством, что Уайльда давно уже нет в живых⁶⁴. Сохранилось одно из обращений такого рода — недатированное письмо Добролюбова к Андрею Белому (судя по содержанию, начало 1905 г.). Документ этот весьма любопытен и содержит ряд характерных для Добролюбова суждений: ниже приводится его полный текст.

«От Александра Добролюбова

Брат Борис, немного ты знаешь меня.

Я прежде принадлежал к вашей символической школе в искусстве. Бог мой дозволил мне опять открыть некоторые ваши книги.

Некоторые слова ваши мне радостны, это везде, где есть чувство тайны и бога (и вы часто возвращаетесь к ним), но о поступках, об азбуке веры, о книге совести почти у всех вас такое ухищренное и извращенное разуменье. Зачем эти части истины разделены, так раздроблены между всеми? Зачем Толстой так хорошо иногда поминает о поступках (хотя тоже не о всех) и так слабо о вере? А вы, иногда чувствуя, что есть сверхъестественная сила божья, зачем так покоряетесь наследству извращен-

⁶³ А. Белый. Начало века. М., 1933, с. 363.

⁶⁴ П. П. Перцов. Литературные воспоминания, с. 239.

ного современным образованием человека, зачем изменяете основной первый поступок? Его начало так ясно в книге совести всех народов как $2 \times 2 = 4$.

Зачем вместо «а» стараться читать древнее неудобное «азъ»?

Я прочел несколько твоих вещей на днях. Я видел твой сборник «Золото в лазури», стихов я даже не стал читать, потому что люди редко бывают искренни в стихах. Они изменяют слово ради наружной музыки. Брат, красота приходит только тогда, когда не заботишься о красоте, музыка приходит только тогда, когда не ищешь ее, радость приходит только тогда, когда ты мужествен и без нее. Это вечный закон!

В этом сборнике я нашел чистую страницу только одну «Вот придет воскресным днем». И не потому, что она говорит о боге. Хотя все, что говорят о боге, даже слабое озаряет, ибо Он — бог живой и Красота.

Из другого не стихотворного сборника твоего прочел я двести страниц и читать не мог, слишком изображено. Прочел твою статью о Канте⁶⁵, где ты объясняешь, что символическая школа это первый шаг к вере среди образованных. Этой статьей я обрадован, хотя есть некоторые спутанные, слишком ухищренные объяснения.

Но лучше всего некоторые слова из «Окна в будущее»⁶⁶ — Круговорот, Мистерии, Оленина, Концерт. Хотя тоже много старого наследства, образованных слов.

Брат, теперь не время ухищряться в словах и мыслях, не время заниматься искусством, теперь время пророчествовать о скором наступлении новой земли и о вере и ни о чем более. Ибо во храме веры будет все, весь мир!

Ты продолжаешь Коневского, будь ему достойным наследником. Заблуждения его забудь, а лучшее от него избери.

Приближаются великие времена — только будем ли мы достойными работниками для этих великих времен?

Приветствую тебя лобзаньем
твой друг А. Добролюбов

Учение всех братьев и древнего брата нашего Иисуса Христа со всеми вами.

Пр<иписка>. Напиши, пожалуйста, одному человеку — Метерлинку, что теперь не время для искусства. Напиши и от меня.

⁶⁵ Имеется в виду статья А. Белого «Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта», опубликованная в журнале «Весь» (1904, № 2).

⁶⁶ См.: А. Белый. Окно в будущее. (Оленина д'Альгейм). — «Весь», 1904, № 12.

Если можешь, разыщи Льва Гиппиуса⁶⁷, в прежней жизни после Эрлиха это был самый близкий мне. Он может быть вам полезным. Когда я прочел одну твою мистерию, я думал, что это слова Льва Гиппиуса».⁶⁸

Призывы Добролюбова встречали у многих из его прежних единомышленников, русских символистов, если не отклик, то, во всяком случае, сочувственное понимание. Как известно, на грани веков индивидуализм и «западничество», характерные для «старших» русских символистов, теряют свою изначальную остроту. «Младшие» представители «нового искусства» (Блок, Белый, Вяч. Иванов и др.), выступившие в литературе накануне первой русской революции, остро отзываются на общественное брожение в стране и пытаются — каждый по-своему — преодолеть индивидуализм на общих для них путях сближения с «народной душой» («братство», «соборность» и т. д.). «Неонародничество» — отличительная черта русского символизма 900-х гг.; оно вдохнуло в него новые силы и придало ему ту самобытность, которой ему недоставало в 90-е гг. XIX в. Вслед за теми, кого они считали своими предшественниками, прежде всего за Достоевским и Вл. Соловьевым, «младшие» символисты отождествляют «народ» и «крестьянство» и влекутся к его наиболее активным, динамическим группам, в том числе — к сектантству. «Я, — вспоминает Андрей Белый, — начитавшись Достоевского, искал героев его, Алеш, Зосим, Мышкиных, Иванов Карамазовых, в жизни... <...> влекли и самочинные сектанты: не хлысты, штундисты, евангелисты, а начинатели своих собственных сект»⁶⁹.

Интерес к народной стихии, к сектантству отличает в те годы не только русский символизм, но и шире — известную часть русской интеллигенции, включая ее социал-демократические круги (Горький, Бонч-Бруевич и др.). «Одна <...> девица, — рассказывает А. Белый в романе «Серебряный голубь», — пожимала плечиками, когда речь шла о Руси; после же пешком удрала на богомолье в Саров; похохатывал социал-демократ над суевьем народа; а чем кончил? Взял, да и бежал из партий, появился среди северо-восточных хлыстов. Один декадент черной бумагой свою оклеивал комнату, все чудил да чудил; после же взял да сгинул на много лет; он объявился потом полевым странником»⁷⁰. «Декадент», о котором пишет Белый, — никто иной, конечно, как Александр Добролюбов. Его судьба вызывает к

⁶⁷ Гиппиус Лев Васильевич (1880—1920) — один из четырех братьев Гиппиус.

⁶⁸ РО ГБЛ, ф. 25, к. 15, ед. хр. 18. Своеобразная орфография и пунктуация Добролюбова приспособлены к нормам современного правописания.

⁶⁹ А. Белый. Начало века, с. 138.

⁷⁰ А. Белый. Серебряный голубь. М., 1910, с. 228—229.